

БЕЛЫЙ И ЗЕЛЕНый: ПСКОВ В ЛИРИКЕ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА

В статье анализируются стихи В. Н. Некрасова о Пскове: комментируются реалии и выявляется специфика лирического образа Пскова, который создается, во-первых, отбором цветовых и световых реалий, имеющих символическое значение, а во-вторых, осмыслением звучания названия города. В результате делаются выводы о специфике лирической поэтики Некрасова: он стремится к отражению непосредственного восприятия человеком окружающего мира, в данном случае — городского пространства.

Ключевые слова: В. Н. Некрасов, лирика, образ города, поэтика.

I. V. Moteyunayte

WHITE AND GREEN: PSKOV IN VSEVOLOD NEKRASOV'S POETRY

The article presents the analysis of V. N. Nekrasov's verses on Pskov: the author of the article comments on the realities and reveals the specific features of the Pskov lyrical image, which is created, firstly, by the selection of color and light details having symbolical value, and secondly, by the comprehension of the city name sounding. Besides, the article considers the specificity of Nekrasov's lyrical poetics: the poet tries to reflect spontaneous perception of the world around, in this case of the city space, by the person.

Key words: V. N. Nekrasov, lyrics, image of city, poetics.

В стихотворном наследии В. Н. Некрасова немалое место занимают стихи о различных землях (городах, странах) или с упоминанием оных: о Ленинграде, Праге (Чехии), Кавказе, Риге, Пскове, Ростове и др. Эти стихи, как правило, публикуются рядом, и было бы целесообразно назвать их, в русле академического литературоведения, несобранными циклами¹. С учетом своеобразия поэтики Некрасова, в этих стихах выделяются традиционные циклообразующие элементы, заданные единством предмета описания; например, повторяются мотивы, слова-образы или звукосочетания. В результате создается лирический образ пространства, рождающийся из его непосредственного восприятия, что определяет лирическую субъективность, соответствующую основному поэтическому принципу, декларированному автором: «живу — вижу» [1].

Одним из таких циклов стали стихи о Пскове, который Некрасов посещал в 1966–1969 гг. Сохранившиеся в архиве материалы² свидетельствуют о том, что впечатление от города было сильным; не опубликованных в последнем издании стихов и фрагментов больше, чем опубликованных (в «Геркулес» вошло шесть). И в тех, и в других развиваются, за немногими исключениями, практически одинаковые мотивы, поэтому можно говорить о доминантах образа Пскова в поэтическом сознании Некрасова.

В аспекте описания места ключевым стихотворением в обсуждаемом цикле видится стихотворение «Из берез из черемух».

Из берез из черемух
Белых и зеленых

В черемухах и березах
Ночью белых

И не ночью
Не черных

Душа
Дух

Сколько ж их тут
Сколько их тут
Смотришь
Целый Псков
Из кусков

Из таких весь
Известковых

Стен этих

Таких
Побеленных

Почище

Посветлей и почище
Наших
потолков

Белый свет Псков

Белый свет
Псков [2, с. 71]

Поскольку оно состоит из описательных фрагментов, называющих реалии, интересно оценить их отбор при создании образа города.

Первые два стиха с названиями деревьев и цветообозначениями заставляют обратиться к дендрологической составляющей городского облика Пскова и к его общей цветовой палитре.

Выделение Некрасовым берез и черемух, на первый взгляд, неожиданно. Наиболее привычны глазу в Пскове, вообще-то, прекрасные тополя, которыми обсажен главный проспект. Однако березы, не случайно ставшие советским символом русскости, в городе весьма симптоматично локализованы: они привычны во дворах и около храмов; в частности, к березовой роще примыкает самый знаменитый в городе Мирожский монастырь (XII в.), березы обрамляют церкви Николы со Усохи, Пророка Илии и ряд других. Таким образом, береза объединяет локусы, связанные с областью частного, домашнего и со сферой сакрального³. По другим стихам Некрасова можно судить о связи березы в его сознании с образом небес и света, участвующим в формировании пространственной и символической вертикали. («Относительно небес — / Свод небес / Совсем белес // Что касается берёз — / Ствол берёзы / Весь белёс...» [2, с. 92] и др.) Обе ассоциации активны в формировании представлений о Пскове: связанность берез и церквей в реальном ландшафте города находит отражение и в тексте через слово «дух».

Черемухи же в Пскове встречаются едва ли чаще, чем рябины, клены или ясени и, в отличие от берез, нигде не сгущены, а равномерно разбросаны по улицам и берегам рек. Типично по случайности дендрологической картины черемуха и береза есть на улице Воеводы

Шуйского (во время посещения города Некрасовым — улица Карла Либкнехта), где расположено общежитие бывшего пединститута, в котором жила Мария Титовна Ефимова. Судя по переписке, у нее в гостях бывали Всеволод Николаевич с супругой, Анной Ивановной Журавлевой, причем в мае, когда черемуха цветет. Представляется, что черемуха оказалась нужна в стихотворении в силу очевидной читательской ассоциации с белым весенним цветением и, что особенно важно, так сказать, композиционным распределением белого и зеленого цветов, которым черемуха прекрасно дополняет березу (белый снаружи, зеленый внутри в первом случае и белый ствол, обрамленный зеленью, — во втором). Это цветовое впечатление представляется особенно значимым по отношению к Пскову из-за следующего обстоятельства.

Для цветного восприятия Пскова наиболее существенен белый цвет многочисленных храмов и сохранившихся гражданских построек XVII века (Поганкины палаты, Солодежня, Палаты Меншиковых, дом Печенко и другие), традиционно побеленных. Они достаточно резко выделяются среди не выраженных в цветовом отношении блочных и серокирпичных хрущевских домов, а также среди послевоенных построек, регулярно окрашиваемых в неопределенно желтый (привет Гоголю) и неявно-розовый цвета, с постоянно выцветающей побелкой. Этот неопределенный бледноватый фон подчеркивает совершенно определенную белизну исторических зданий, что, учитывая их частотность, действительно, оставляет впечатление распространенности в городе белого; этот цвет запоминается и, бросаясь в глаза, структурирует городское пространство. Представляется, что именно эта черта городского облика заставила поэта выделить белый цвет во втором стихе и повторить цветообозначение в предпоследнем.

Что касается второго названного цвета, Некрасов не менее точен в его выборе: Псков воспринимается зеленым городом. В его обжитом центре в 1960-е – 1970-е годы располагались (и по сей день есть) довольно крупный для маленького города Летний сад и Детский парк; практически все улицы города обсажены деревьями (широкие улицы даже в два ряда), как и единственная доступная тогда для прогулки набережная. Менее цивилизованные районы за историческим центром представляли собой частный сектор с непременными садами. Берега обеих рек, не предназначенные для прогулки, — это разнообразные заросли, затрудняющие доступ к воде. Таким образом, Псков был (и остается) городом, что называется, «зеленым»; в нем не только дворы, но и «улица», «внешнее» пространство практически везде обрамлено древесными посадками. Учитывая активность зеленых насаждений и зарослей, а также приземистость храмов из-за обширного за четыре-пять веков культурного слоя (от одного до трех метров), псковские церкви обычно выглядывают из зелени. Разбросанные довольно хаотично при современной застройке и в целом хорошо сохранившиеся, они неожиданно для некоренного жителя появляются перед глазами, проступая сквозь зелень кустов и древесных крон.

Таким образом, первые два стиха, при всей скупости лексических средств, намечают чрезвычайно точный целостный образ города, увиденного гуляющим по нему человеком. Белый и зеленый — определяющие его цвета, отзывающиеся и в названных породах деревьев.

Второй строфоид также передает визуальные впечатления, фактически связанные с белыми ночами. Петербуржец не обратит внимания, а москвич непременно отметит бледный ночной свет весеннего Пскова. (См. «темнота // наша // эх // и где же она» [2, с. 174]) Город расположен на относительно плоском месте, он в целом невысокий (постройки в 3–5 этажей соизмеримы по высоте с человеческим ростом). Напомню, что высота зданий и ширина улиц — главный фактор восприятия городского пространства. Псков, в соответствии с ними, кажется просторным и пронизанным неярким естественным светом. Резкого черного в нем вообще нет: ни в ландшафте, ни в строительных материалах, ни в известковых почвах. Эта световая особенность выражена в стихотворении оксюморонным сближением лексем «ночью белых» и парадоксальным обозначением времени и цвета через отрицание: «... не ночью / Не черных». Мягкая освещенность акцентирует отсутствие традиционно страшного, что и замечено поэтом, определившим самобытность уютного и обжитого города, в котором не страшно и светло: «Душа / Дух». Последнее слово подразумевает не названные храмы, составляющие

особенность Пскова; их скрытое присутствие в тексте передает органику архитектурного облика города: церкви, соборы и остатки монастырей естественно и привольно живут по всему городу, среди разных по времени и величине зданий. Они — везде, поэтому определяют дух города. Называние их в силу многочисленности и достаточной однотипности для непрофессионального взгляда — во-первых, утяжелило бы текст, а во-вторых, культурный штамп, которого явно избегает Некрасов, стремясь к выражению совершенно непосредственного и общего впечатления; в данном случае через свет и цвет. Подтверждается это и следующим фактом: в набросках есть единственное стихотворение с упоминанием собора:

облака
как слова
собор — всему голова

светлая ты голова

Однако если свет и облака (как и особенность звукового облика слова «Псков», о чем ниже) — константы создаваемого в цикле образа, они упоминаются и в других стихах, то собор — больше нигде. Рискну предположить, что причиной отброшенности данного фрагмента стала банальность этой псковской реалии: Троицкий собор — самая выдающаяся достопримечательность города; он стоит на высоком берегу Великой и виден за несколько километров при подъезде к городу с любой стороны. По всем правилам градостроительства это самая высокая точка, сакральный центр, это уникальное место в городе. Но стихам Некрасова, запечатлевающим мгновенное восприятие, архитектурная точность, в силу именно броскости и единичности, не свойственна. Разумеется, будучи знакомым с вузовскими преподавателями и неоднократно посещая Псков, он не мог не знать исторической конкретики псковских памятников. Однако упоминаемые в стихах реалии, вплоть до названия улиц, не входящих в обычные туристские маршруты, а намечающие пути произвольной прогулки — результат сугубо индивидуального, личного впечатления. Ни одного исторического памятника, обязательно упоминаемого в путеводителях и на экскурсиях, в стихах нет.

Однако привлекательной и значимой оказалась другая историческая и архитектурная особенность Пскова — сохранившиеся остатки крепостных стен, во время посещения города поэтом еще нигде, даже в Кремле, не отреставрированных. Протяженность стен (9,5 км) впечатляет любого гостя города, что и высказывается в 4 и 5 строфоидах анализируемого стихотворения. Обозначение «известковыми кусками» точно передает восприятие: стены и в городе, и на набережной полузакрыты деревьями и кустарником, поэтому проступают кое-где, действительно, кусками, особенно большими в местах башен. Одновременно под «известковыми стенами» понимаются и побеленные стены храмов и гражданских зданий, о которых уже говорилось. Как правило, скупо декорированные, с очень небольшими окнами, они и вправду похожи гладкостью и белизной на потолки (ср.: «Посветлей и почище / наших / Потолков»). Сама площадь чистой белой и ровной стены — непривычная взгляду москвича деталь.

Ассоциация с потолком «тянет» за собой константный во всем цикле образ — образ неба. В стихотворении обращает на себя внимание его ненавязчивое выделение в рамках городского пространства. При том, что небо — вообще наиболее часто упоминаемая реалья в творчестве Некрасова, в данном случае важна ее связь с городом, поскольку при описании иных локусов (Риги, Кавказа, Чехии) она не становится доминантой. В стихотворениях с упоминанием Пскова маркерами пространства становятся небо, закат (см. стихи 111–113 [2, с. 82–83]) и особенно часто облака. Вошедшие в публикацию стихи выросли путем расширения из неопубликованного фрагмента 1969 года:

Псков
нет слов
много облаков

Псков
Белых облаков

облаков
Псков
Высоко
Во Псков⁴

Точное описание визуального восприятия города, схватывающее его целостный внешний облик, сочетается в стихотворении с виртуозным использованием звуковых скреп, проясняющих символику образа. Содержащийся в «березе» слог «бе», пятикратно повторенный в корне «белый» структурирует текст. Аналогично черемуха необходима в стихотворении из-за содержащегося в слове звукосочетания «чер-х», рифмующего слово с последующими «черных», так же как и звук «ч», далее встречающийся в «ночью» и «почище». При созданном эффекте естественности речи, звуковая скупость, подчеркивающая продуманность звукоряда, соответствует художественному аскетизму Псковской архитектуры.

Важность речевой интонации, как будто самопроизвольно порождающей поэтический текст, — общее место при разговоре о поэтике Некрасова [3–6]. В данном случае очевидна и важность фоники, о чем тоже неоднократно писали исследователи, обращая внимание на обнаружение поэтом неочевидных внутренних созвучий между словами [5–7]. Цикл о Пскове структурируется звучанием названия города. Вслушивание в слово «Псков», частое в цикле употребление лексем «слово» «сказано», разнообразное обыгрывание названия города неоднократно отзывается в стихах цикла. (См.: «сколько всяких слов / какие слова / Псков / Пскова / Плехановский посад / Псковская правда / Фантастика / Улица Фабрициуса») Например, сочетанием звука «с» и ударного «о», объясняется ряд повторов со смещением паузы и сближением рифмы в стихотворении, где передается впечатление от медленно просыхающего после дождя города:

Был дождь
Был дождь
Был дождь
И Псков
Еще не весь
Обсох
И Псков еще
Не весь обсох
И Псков
Еще не весь обсох [2, с. 84]

Аналогично слова «спуск», «склон», «в скобках», «пустяков», «спокоен», «прополаскивала» и др. выстраиваются в звуковой образ слова «Псков» в нескольких неопубликованных фрагментах. В них подбираются реалии, название которых содержат необходимые звуко-сочетания. Они иногда «ведут» поэтическую мысль даже в большей степени, чем реальность. Например, в двух черновых фрагментах упоминается спуск к Пскове, а в одном — слово «взвоз», очевидно, понравившееся Некрасову соответствием звучания реалии. Оно пришло из названия церкви Георгия со Взвоза, мимо которой не могли не проходить Всеволод Николаевич и Анна Ивановна, когда были в гостях у Марии Титовны. Эта церковь стоит у спуска к Великой (на месте переправы, за городской стеной), общежитие же пединститута стоит почти на берегу Великой, из его окон виден Мирожский монастырь на противоположном берегу. Подойти к общежитию, не увидев Великую, нельзя. Но из двух городских рек, Великой и Псковы, первая называется во всем цикле лишь однажды, как бы с удивлением, через противительный союз «а», после осмысления названий города и другой реки.

Псков
ПскоВА

Псков
ПскоВА

Он
Псков

Она
ПскоВА

А Великая

Река

Великая

Река

Великая

Река

Великая⁵

В то время как Пскова упоминается довольно часто. Именно ее воды наделяются символическим смыслом в трех фрагментах: «запросто / ваша вода / Пскова Псков / твоя вода / Пскова пускай бы она нас / и прополаскивала / и прополаскивала» (Архив) и др. Эта река предпочитается поэтом явно из-за созвучия ее названия названию города. Однако обозначение воздействия города как омывающего, очищающего и ласкающего человека — «прополаскивала» — можно объяснить и реальностью: в Пскове, речке мелкой, быстрой, звонкой, с прихотливым руслом, по сей день жители полощут белье: вода имеет отбеливающий эффект. И на ее берегу стоит самая старая в городе Гельдтова баня, посетители которой после парной купаются в реке. Упоминаемый Некрасовым спуск к Пскове располагался в описываемое время именно около нее.

Но прежде всего, звукообраз призван в стихах формировать неявные, символические смыслы. Примером этого является связь в сознании Некрасова облаков с названием города, что выкристаллизовалось в стихотворении:

одно слово
облако

одно слово
облако
облако

слов
слов

облаков

одно слово
Псков
Во Псков
И никаких тебе
Москов

всё
Псков [2, с. 83].
В нем объединились части двух неопубликованных:

Псков
нет слов
много облаков

Псков
Белых облаков

облаков
Псков
Высоко
Во Псков

Псков
звук ты
его слышишь
Псков
звонница
так и называется
звонница

облаков облаков
и никаких тебе Москов
Всё.
Псков.

Символичность звукоряда в названии топоса подытоживается в стихотворении

Псков Псков

Сам
Звук

Как знак

Как
Знак

Знак
Значит знак

Значит знак

Значит
Так
Значит

Так значит

Так
Так

Так
Так

И так
? [2, с. 82].

Специфика Пскова вырисовывается сопоставлением его с другими городами, и, прежде всего, противопоставлением Москве по признаку тишины и древности, которые обеспечивают человеку покой и равновесие; в набросках дважды повторено обращение: «постой / Псков / постоял / еще постоишь». В одном из них осмысляется причина молчания автора, вот его финал: «суета / и вся московская копоть / прости господи / и все-тки Псков / Псков».

Но наиболее интересно сопоставление с Новгородом:

Небосвод где Новгород

Небосвод

А небосклон —

Небо
Склонное ко Пскову

Дальше по небосклону
Псков

Там небосклон

небось там

небось там
поскольку вот [2, с. 84].

Среди архивных фрагментов есть такой:

не подходит
небосвод
не совсем небосвод
небось вот он

Найденное впоследствии «небосклон», очевидно, подошло фонически, из-за звуко-сочетания «ск-о», а также идеологически: особенность Пскова видится автору в его древности, которая стала результатом благосклонности небесных сил, хранящих город. Символическое значение неба как света проясняется автором неоднократно. Ср. фрагмент: «освещение / вечное / действительно / дело вечное / небесное». Или:

и равномерное
освещение
это оно и есть
если
если есть
если есть
единственное
верное
объяснение
то оно здесь

Именно освещение как знак святости видится главной символической доминантой образа города.

Подведу итоги. Образ Пскова создается В. Н. Некрасовым, во-первых, отбором цветочных и световых реалий, имеющих символическое значение, а во-вторых, осмыслением звучания названия города. Стихи о Пскове демонстрируют особенность поэтики Некрасова: в них схвачено непосредственное, сиюминутное впечатление человека от окружающего его пространства, в данном случае — городского. Поэт стремился запечатлеть реакцию говорящего на мир, процесс рождения речи при восприятии мира, чем и объясняется его особенная лиричность; в его поэзии обнажается природа лирики, как она отражается в современной поэтической речи.

Примечания

¹ Подробней о принципах поэтического объединения у Некрасова см.: Павловец М. «Листки» Всеволода Некрасова и «карточки» Льва Рубинштейна — два подхода к одному принципу организации поэтической книги. Полилог. 2010. № 3. С. 13–21.

² Архив В. Н. Некрасова в данный момент находится в частном хранении. Благодарю Г. Зыкову и М. Сухотина за предоставление необходимых для данного исследования архивных материалов.

³ Близость этих традиционно разведенных в культуре сфер отличает сознание советского андеграунда в целом, см., например, поэму Вен. Ерофеева «Москва – Петушки».

⁴ См. Архив.

⁵ Архив.

Литература

1. «Не хочу и не ищу — живу и вижу». Интервью Всеволода Некрасова Майе Кучерской [Электронный ресурс] URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/20021223_nekr.html
2. Некрасов Вс. Стихи 1956–1983. Библиотека московского концептуализма Германа Титова. Вологда, 2012.
3. Айзенберг М. Второе дыхание. [Электронный ресурс] URL: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Aizenberg.html>
4. Бонч-Осмоловская Т. Дающий имена // Полилог. 2010. № 3. С. 8–13. [Электронный ресурс] URL: http://polylogue.polutona.ru/upload/private/Polylogue_3_2010.pdf
5. Новикова Д. Фоника и графика произведений Всеволода Некрасова // Полилог. 2010. № 3. С. 22–27. [Электронный ресурс] URL: http://polylogue.polutona.ru/upload/private/Polylogue_3_2010.pdf
6. Библер В. Поэтика Всеволода Некрасова (или еще раз о «загадках слова») // Полилог. 2010. № 3. С. 46–54. [Электронный ресурс] URL: http://polylogue.polutona.ru/upload/private/Polylogue_3_2010.pdf
7. Janecek G. J. VsevolodNekrasov, Master Paronymist. // Slavic East European Journal 33. 1992/2.